

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ СТИХ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

А. М. Петров

Карельский научный центр РАН,
Россия, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
Поступила в редакцию 01.04.2024 г.
Принята к публикации 15.06.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-13

Рассмотрены общие проблемы изучения русского народного стиха. Описаны крупнейшие теории, в рамках которых изучался фольклорный стих, критически осмыслено их место в истории российского стиховедения. Спецификой бытования стихового фольклора, существующего в устно-музыкальном виде, обусловлены поиски особого метода его анализа: традиционное стиховедение обладает значительным числом методов и ресурсов для исследования разных форм литературного стиха, но зачастую ограничено в своих возможностях при обращении к стиху фольклорному. Наиболее содержательным следует признать комплексный подход к изучению народного стиха. Это связано с разнообразием форм фольклора: помимо классической народной тоники, существует множество поздних жанров, созданных по лекалам силлабо-тонической системы стихосложения; для других славянских культур могут быть релевантны методы анализа силлабического текста и т. д. Каждый жанр должен рассматриваться в контексте его истории; фольклор требует дифференцированного подхода. При этом степень сближения с музыковедением может быть разной: в отдельных случаях вполне достаточно традиционных методов стиховедения (например, в области лингвистики стиха). Особым потенциалом обладает тактометрический подход, поскольку вводит в предметно-понятийное поле стиховедения идеи изохронной метрики, слабо разработанные на материале русского народного стиха.

Ключевые слова: *стиховедение, метрика, ритмика, фольклорный стих, теория стиха, методы стиховедения*

1. Предисловие. Типы фольклорного стиха

В области поэтики фольклора стихосложение относится к одному из наиболее трудных разделов: «...во всем стиховедении это самая темная область. О литературном стихе во всех учебниках говорится: он бывает силлабическим, силлабо-тоническим и тоническим; и эти три вида стиха описываются более или менее внятно, так что учащийся может их опознать в читаемых стихотворениях. А о народном стихе говорится в лучшем случае, что о нем существуют разные мнения, и ученые еще не столкнулись, какое надежнее» (Гаспаров, 2001, с. 9). Эти слова, написанные М. Л. Гаспаровым в «Предисловии» к избранным статьям американского стиховеда Дж. Бейли более двадцати лет назад, до сих пор не потеряли актуальности. История научного осмысления народного

стиха насчитывает уже более двух столетий, однако и в наше время не существует общепринятой системы, классификации разных его типов, единой непротиворечивой теории его описания. Исследователи отмечают, что народный стих доступен «освещению лишь в самых общих чертах» (Лобанов, 2007, с. 33).

Народный стих по своей природе синкретичен, что обусловлено свойствами фольклора как особого феномена человеческой культуры — *устностью, вариативностью, анонимностью* и т.д. В случае с народным стихом важную роль играет фактор музыкального исполнения, то есть *наличие напева*. Известно, что последовательность создания текста и напева может быть любой: музыка может быть написана к существующему стихотворению; текст может быть сочинен к какой-либо готовой мелодии. В фольклоре мы имеем дело с более сложным случаем: текст и напев здесь, как правило, существуют в неразрывном единстве, создаются одновременно при каждом новом исполнении. Доступные исследователям образцы аудиозаписей фольклора обнаруживают, что при переходе любого исполнителя на пересказ без мелодии метроритмическая структура стиха меняется коренным образом, вплоть до полного перераспределения ритмических акцентов, с получением совершенно другого текста. В свое время В.Я. Пропп утверждал: «У русских весь стихотворный фольклор поется. Изучать его вне связи с музыкой — значит понимать только половину дела. В этом отношении в науке последних лет имеются большие сдвиги, и дальнейшее сотрудничество фольклористов с музыковедами должно нам многое приоткрыть. Текст и напев составляют одно органическое целое, и метрика стиха не может изучаться вне музыкального ритма и голосоуподобия» (Пропп, 1976, с. 38).

И все же думается, что это высказывание излишне категорично. На наш взгляд, более точен в определениях был К. Ф. Тарановский: «Сегодня всем ясно, что текст народных песен представляет собой стих, что измерение этого стиха при помощи музыкальных фактов, иногда фиктивных, ни к чему не ведет, и что структуру стиха можно и нужно исследовать лингвистическими средствами. Иное дело — вопрос о взаимоотношении языкового и музыкального ритма в народных песнях. Здесь, конечно, сотрудничество лингвиста и музыковеда необходимо, и в славистике есть примеры такого сотрудничества, которое уже приносит плоды» (Тарановский, 2010, с. 523).

Следовательно, фольклорный стих может изучаться в разных аспектах в зависимости от того, какие задачи ставит перед собой исследователь. Различны и объекты изучения — проблема соотношения текста и напева; сами напевы; проблема ритмики стиха в разножанровом материале; исследование может быть направлено на решение актуальных задач лингвистики стиха (Гаспаров, Скулачева, 2004, с. 133–145) и т.д. Исследовательская оптика определяется насущными потребностями теоретического стиховедения, филологии, этномузыкологии и т.д. Противоречия между филологическим стиховедением и музыковедением в этом плане представляются во многом иллюзорными: у каждой

дисциплины свой объект и свои границы; сближение или размежевание должны быть обусловлены конкретными нуждами того или иного исследования в определенный момент.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что русский стиховой фольклор представлен множеством жанров — разнообразных по времени появления, по генетическим истокам. Так, помимо былины, последовательно записывавшейся фольклористами с XIX века, известны более поздние жанры — городской (мещанский) романс, частушка и др. Они уже достаточно тесно связаны с литературными формами версификации, книжно-письменная форма здесь может быть первична, а мелодии могут накладываться на уже имеющийся текст. При этом, разумеется, представить себе романс или частушку без мелодии в фольклоре по-прежнему невозможно, однако словесный и мелодический компоненты ощущаются здесь как более автономные, чем в былине. Можно привести в пример поздний духовный стих: «Мира Заступница, Матерь Всепетая! / Я пред тобою с мольбой: / Бедную грешницу, мраком одетую, / Ты благодатью прикрой...», который бытовал в фольклоризированном виде (Духовные стихи, с. 168–169), однако по происхождению представляет собой стихотворение поэтессы Юлии Валерьяновны Жадовской (Афанасьева, 2021, с. 9). Иными словами, в песенном фольклоре связь текста и напева не всегда является настолько тесной, насколько мы привыкли думать. Аналитический подход к этому материалу во многом определен и задачами конкретного исследования, и изучаемым жанром, и прочими факторами.

Кроме того, вопреки укоренившемуся мифу, далеко не весь русский стихотворный фольклор обязательно связан с мелодией. Напомним, что по соотношению словесного текста и напева принято выделять три типа фольклорного стиха (Тарановский, 2010, с. 519):

1. *Речитативный* (эпический, нарративный, декламационный). В стихе этого типа напев и словесный ритм «находятся в относительном равновесии» (Гаспаров, 1989, с. 20)². Типичные жанры: былина, историческая песня, духовный стих, причитание и т.п., то есть эпические (иногда — лиро-эпические) жанры фольклора.

2. *Лирический* (песенный)³. Характеризуется безусловным преобладанием напева, хотя и здесь словесный текст (пусть и с большим трудом, и по неоднозначной методике) поддается выделению из музыкальной ткани. Жанры: лирическая песня, частушка, народный романс и т.п. Это основной объект исследовательских усилий этномузыколо-

² Определения подобного рода не претендуют на научную точность и не имеют под собой никаких измерений и расчетов; скорее, они характеризуют некую меру интуитивного, субъективного ощущения, более или менее разделяемого исследователями.

³ Стиховедческая терминология неустойчива. Например, М.Л. Гаспаров называет песенным стихом «эпический стих былин, исторических и духовных песен» и относит его к одному из древнейших (1984, с. 22). Мы предпочитаем называть песенным *лирический* тип стиха. В другой работе он также называет лирический стих песенным (1989, с. 20).

гов; из филологических работ назовем капитальный труд Дж. Бейли (2010), в котором были впервые выделены три основных размера русской народной лирики: 1) размер 5+5, 2) четырехстопный хорей с дактилическим окончанием, 3) двухударный акцентный стих с дактилическим окончанием.

3. *Сказовый* (говорной, раешный). Его часто называют досиллабическим, в основе такого стиха — парная рифмовка, основная область применения в фольклоре — «загадки, раешные прибаутки, а с XVIII века тексты лубочных картинок вроде знаменитой “Небылица в лицах, найдена в старых светлицах, оберчена в черных тряпицах, как мыши kota погрёбают, недруга своего провожают”» (Гаспаров, 1984, с. 26). Этот тип стиха не связан с мелодией, достаточно свободен от стилистических ассоциаций, которыми были окружены песенный (речитативный) и молитвословный стих; по этой причине стал «первым русским литературным стихом широкого употребления» (Там же). В настоящее время раешный стих находит продолжение в ряде литературных и окололитературных экспериментов, включая рэп-импровизации (Орлицкий, 2017, с. 166).

2. Теории фольклорного стиха

Разнообразие форм фольклорного стиха естественным образом привело к созданию разных (зачастую противоречащих друг другу) теоретических построений, призванных объяснить его происхождение и структуру. В этой области наука о стихе имеет давние традиции: современное российское фольклорное стиховедение во многом базируется на принципах, которые разрабатывались еще В.К. Третьяковским, А.Х. Востоковым и многими другими. Напомним об основных вехах на этом пути. История филологического и музыковедческого изучения народного стиха уже неоднократно, хотя и с разной степенью полноты, освещалась в ряде специальных работ (Штокмар, 1952; Банин, 1982; Гаспаров, 1997; Бейли, 2001, с. 332–358; Ефименкова, 2001; Лобанов, 2007). Это позволяет нам пунктирно обозначить основные проблемные вопросы, кратко рассмотреть важнейшие гипотезы, не отвлекаясь на побочные, второстепенные или маргинальные теории.

Русский фольклорный эпический и лирический стих изучался в рамках **четырёх** базовых теорий: *стопной*, *тонической*, *музыкальной* (Штокмар, 1952, с. 17–135; Гаспаров, 1997, с. 59), *силлабической* (Банин, 1982, с. 95)⁴. Особое место в русском стиховедении занимает *тактометрическая* теория А.П. Квятковского (Квятковский, 2008). В настоящей статье мы выделяем также *комплексный* подход, опирающийся на дифференцированное описание разных типов народного стиха в рамках разных систем стихосложения.

⁴ В работе (Штокмар, 1952) выделены также «комбинированные теории» (мы оставляем их в стороне) и учение о народной «синтаксической стопе» (соответствует *силлабической* теории в нашем обзоре).

I. Согласно *стопной* теории, любую фольклорную стихотворную строку можно разложить на определенный набор классических стоп (хорей, ямба, дактиля, амфибрахия, анапеста), чередующихся с большей или меньшей регулярностью. Основателем этого подхода к анализу народного стиха является В.К. Третьяковский (Штокмар, 1952, с. 17). Несложно заметить, что при помощи этой процедуры на стихотворные стопы можно разложить любой текст, на что указал еще М.П. Штокмар: «...из того, что комбинации слогов, составляющих фразу, можно назвать теми или иными “стопными” терминами, ровно ничего не следует, так как ритм образуется (если уж пользоваться понятием стопы) не наличием каких-либо стоп в произвольной последовательности, а повторяемостью стоп» (Там же, с. 20). Аналогичная дискуссия в свое время состоялась при обсуждении проблемы природы *ритмической прозы*: одна из теорий (В.М. Жирмунский называл ее «наивной») была поддержана Г.А. Шенгели и Андреем Белым: она «отыскивала в цитируемых примерах наличие чередования метрических стоп» (Жирмунский, 1975, с. 569).

В XIX веке при помощи терминов силлабо-тонической системы (стопа, ямба, хорей, дактиль и т.д.) пытался описать былинный стих один из первых собирателей северного эпического фольклора А.Ф. Гильфердинг (Гильфердинг, 1873, с. XXXII—XLVII). Ему удалось установить, что какого-то одного определенного эпического размера не существует, их несколько. Преобладает «обыкновенный эпический размер», к которому исследователь отнес «чистый хорей с дактилическим окончанием» (Там же, с. XXXIII). Второй размер — «игривый», здесь «хореические стопы перемешаны с дактилическими» (Там же, с. XXXVIII). Третий — «анапестический»: «вся тяжесть стиха падает на последнюю стопу, в которой произносятся два ударения, одно самое резкое, на последнем слоге, другое на третьем или четвертом слоге с конца, а у одного сказителя (Висарионова) слышалось иногда два ударения на двух последних слогах рядом, и при этом на последнем слоге более протяжное, так что стих выходит какой-то особенно медленный и грузный» (Там же, с. XL); ср.: *во синих морях, под оболока, за темны леса, Колыван богатырь, больший брат* и т.п. Имеются дополнительные (редкие) вариации эпических размеров, однако именно к этим трем указанным размерам, в целом, и сводится, согласно А.Ф. Гильфердингу, все разнообразие былинного стиха. Основной же былинный метр — это хорей.

Очевидно, что А.Ф. Гильфердинг никак не мог описывать былинный стих с учетом разных ступеней расшатанности — в то время не существовало ни соответствующей методики, ни терминологии, ни, пожалуй, и достаточного количества литературного материала, на котором эта методика могла бы быть разработана. В сложных случаях стиховедческий аппарат XIX века был бессилен, что нисколько не умаляет значения первых опытов анализа стиха былины. Время для углубленного описания фольклорного стиха тогда еще попросту не пришло. Непоследовательность первых оценок фольклорной метрики вполне понятна — особенно если учесть, что и сейчас наши взгляды на народный стих полны противоречий. Некоторую роль мог сыграть и фактор

эстетический: в Олонецкую губернию А. Ф. Гильфердинг «приехал уже сложившимся фольклористом славянофильской ориентации <...> силлабо-тонический стих на шкале эстетических ценностей в то время стоял несравненно выше тонического, а оценивать искусство отечественных рапсодов славянофильцы стремились по самому высокому счету» (Федотов, 1995, с. 207).

В XX веке отголоски стопной теории можно встретить в работах Р. О. Якобсона (Jakobson, 1966), см. об этом в (Гаспаров, 1997, с. 60–61)⁵, хотя, разумеется, уже не в таком прямолинейном виде, как у В. К. Тредиаковского. Р. О. Якобсон настаивал на хореической основе (с возможным «хорео-дактилическим» типом ритма) народного эпического стиха (Там же, с. 61). К этой же трактовке фольклорного стиха склонялся К. Ф. Тарановский, а позже — Дж. Бейли (Казарцев, 2017, с. 47), однако последний оперировал уже более развитым методологическим аппаратом, чем ученые XIX века. Помимо «вольных хореев», он выделял в стихе былины 3-ударный акцентный стих⁶ и неметрический стих⁷ (Бейли, 2009, с. 20).

Попытки прямолинейной «стопной» интерпретации неклассического стиха уже на литературном материале предпринимаются до сих пор (см., напр.: (Москвин, 2009), где дольник и тактовик описаны как комбинации все тех же классических силлабо-тонических стоп). Например, блоковское четверостишие «Вхожу я в темные храмы, / Совершаю бедный обряд. / Там жду я Прекрасной Дамы / В мерцаньи красных лампад» (3-иктный дольник) трактуется как «стопная полиметрия», основанная «на сочетании ямба и анапеста по схеме “ЯЯАн.я — АняАн — ЯАня.я — ЯЯАн”, задающей необычный акцентный рисунок» (Москвин, 2009, с. 311). Эта же методика лежит в основе современной попытки реконструкции стихотворного ритма в ряде произведений древнерусской литературы, от «Слова о полку Игореве» до «Пучения Владимира Мономаха» и т. д., которые, по мнению автора методики, были написаны «неравносложной силлабо-тоникой», см. (Николаев, 2020, с. 67–92). Поддержка этой гипотезе отыскивается среди материалов русских былин, для двух из которых («Соловей Будимирович» и «Волх Всеславьевич») приводятся полные стихотворные разметки (Там же, с. 94–96). Недостатком этого подхода является то, что он не учитывает историю стиховедения, а само «стиховедение оказывается компендиумом принципиально равноправных точек зрения, существующих как бы вне времени» (Корчагин, 2012, с. 459). На современном уровне развития стиховедения подобные штудии могут представлять интерес лишь как источники «сведений о стиховедческих интуициях прошлого» (Там же; см. также: Ранчин, 2021).

⁵ В этом обзоре М. Л. Гаспаров относит к сторонникам «стопной» теории Н. С. Трубецкого, который в действительности отстаивал *тоническую* организацию былинного стиха. См., напр.: (Трубецкой, 1987а).

⁶ В гаспаровской терминологии это *трехиктный тонический стих* — вероятнее всего, *трехиктный тактовик*.

⁷ В гаспаровской терминологии — *акцентный стих*.

II. *Тоническая* теория восходит к исследованиям А.Х. Востокова (1812; 1817). Сторонники этой концепции рассматривали фольклорный стих «как равноударный: мерой стиха является постоянное количество ударений, количество же безударных слогов между ними метрически безразлично. Стих определяется как “трехударный”, “четыреударный” и т.п., а когда реальное число ударений в нем отступает от нормы, то делаются оговорки, что учету подлежат лишь “сильные” ударения» (Гаспаров, 1997, с. 59). В связи с тем, что счет количества «сильных» (сейчас мы бы назвали их «фразовыми») ударений в фольклоре имеет весьма субъективный характер, тоническая концепция неоднократно подвергалась критике. В частности, еще в 1879 году с полемическими заявлениями выступил некий автор под псевдонимом «Словесник»: «Как все логическое, и логическое ударение — вещь очень тонкая, изменчивая, спорная, зависящая от человеческих ощущений и настроений. Один и тот же человек одно и то же выражение в одном и том же смысле, в разное время, произнесет различно, над различными словами повысит или понизит голос, — смотря по настроению. О пении и говорить нечего: при разном настроении человек различно споеет одну и ту же песню, различно будет выделять голосом логические ударения. Вследствие этого ударение логическое и не может быть основой стихотворного размера, и никогда не было и не будет» (цит. по: Штокмар, 1952, с. 52). Отметим неустойчивость терминологии: очевидно, Словесник называет *логическим* ударением что-то другое — то же *фразовое* ударение, поскольку А.Х. Востоков имел в виду именно «прозодические периоды» (словесные группы, синтагмы, объединенные фразовым ударением), а не логическое выделение слова, которое действительно едва ли возможно установить в песенном традиционном тексте. Концепция народного (преимущественно былинного) стиха как стиха *музыкально-тонического* была впоследствии поддержана В.М. Жирмунским (1975, с. 215).

В 1937 году увидела свет небольшая работа Н.С. Трубецкого о метрике былины, также выдержанная в русле тонической концепции (1987а). Статья содержит две части: сначала автор характеризует стих былины в его современном состоянии; затем делает попытку реконструкции истории былинного стиха — от ранней славянской силлабики (до XII века) до более поздней тоники (с XII—XIII веков и далее). Н.С. Трубецкий начинает статью со следующего утверждения: «Что до работ, посвященных метрике былин, то их практически нет. Незаконченный труд Ф.Е. Корша о русском народном стихосложении составляет в этой сфере самый серьезный опыт...» (Там же, с. 352). В действительности к первой трети XX века работ по метрике былины существовало немало — среди них были и работы достаточно крупные. Н.С. Трубецкой указал на разнообразие ритмических типов былины, на сосуществование в былинном стихе множества практически не поддающихся учету тенденций. Он отметил: «На основе опубликованного материала трудно решить, является ли эта ритмическая неустойчивость индивидуальной чертой отдельных сказителей или же это общая

традиция» (Там же, с. 354). Последующие наблюдения над метрикой былины, предпринятые уже после этой публикации, позволяют, на наш взгляд, склониться ко второму предположению. В целом же, по Н. С. Трубецкому, «число слогов в стихе довольно неопределенно; постоянно лишь число ударений» (Там же, с. 356). Исторически «краеугольным камнем» былинного стиха являются «не “стопы” в том смысле, как их знает классическая метрика, но древний силлабический стих, преобразованный в результате изменения просодической структуры русского языка» (Там же, с. 358).

В русле тонической концепции находятся и научные поиски М. П. Штокмара, хотя сам исследователь утверждал, что «отчетливо» выявил ее «неполноценность» и «внутреннюю противоречивость» (Штокмар, 1952, с. 58). «Неполноценность» эта в основном сводится к проблемам терминологического порядка: исследователи «востоковского» крыла никак не могли подобрать точное определение для сильного, иктового (или фразового) ударения, вокруг которого группируется синтагма (или «прозодический период»). Они называли его то логическим, то тоническим, то смысловым, то относительным и т. д. (Там же). Такая позиция вызвала справедливые возражения К. Ф. Тарановского, откликнувшегося большой рецензией на монографию М. П. Штокмара⁸: «Можно ли обвинять Классовского в том, что он не нашел точный термин, и так ли уж важен термин?» (Тарановский, 2010, с. 521).

Собственную теорию фольклорного стиха М. П. Штокмар создать не успел, но, судя по основным идеям, отраженным в его работе, эта теория должна была сильно напоминать тоническую. В основе его построений — выделение текста из напева (разрыв с музыкальной теорией) и апелляция к динамическим особенностям «народного языка»⁹: использование сказителями наполнительных и анафорических частиц, энклитик и проклитик, многочисленных суффиксов и приставок для увеличения слогового объема синтагмы. Согласно М. П. Штокмару, в народном стихе междударный слоговой интервал длиннее, чем в стихе литературном: «показатель слогуударного равновесия», специально вычисленный им, составляет 3,8, в то время как в разговорном и литературном языке — 2,8 (Штокмар, 1952, с. 292). Объяснение находится в акцентологических особенностях древнерусского языка, где, по мнению М. П. Штокмара, существовала схожая тенденция. К. Ф. Тарановский подчеркнул, что концепция М. П. Штокмара не выдерживает критики (Тарановский, 2010, с. 538): он оспаривает саму методику вычисления «коэффициента слогуударности» и заключает, что в выкладках М. П. Штокмара «все неверно, от начала до конца» (Там же, с. 527).

Новый подход к тоническим фольклорным текстам предложил М. Л. Гаспаров (1997), проанализировавший народный стих с учетом разных ступеней «распатывания» метра, с опорой на собственные исследования в области литературного тактовика. Значение работы

⁸ Впервые опубликована в (Тарановски, 1955—1956).

⁹ Под «народным языком» М. П. Штокмар понимает преимущественно язык фольклора.

М.Л. Гаспарова для теории фольклорного стиха заключается в том, что понятие «фольклорный стих» впервые наполнилось сущностной конкретикой; были определены точные термины; появилась значимая методологическая опора (в частности, так называемый «русский метод» лингвостатистического обследования стиха). На разножанровом материале (былины, лирические песни, духовные стихи, исторические песни) была предложена методика анализа метрики и ритмики стихового фольклора, подробно (во всех ритмических вариациях) описан трехиктный, двухиктный и четырехиктный тактовик. Помимо этого, прослежена судьба народного стиха в литературе — на материале соответствующих художественных стилизаций. Выяснилось, что силлаботонические строки в былинах, ранее доставившие немало хлопот исследователям, в действительности могут являться одними из возможных ритмических форм тактовика — основного метра народной тоники. Былинный же стих был однозначно определен М.Л. Гаспаровым как трехиктный тактовик (Гаспаров, 1989, с. 26), т. е. в этом плане он солидаризировался с А.Х. Востоковым, трактовавшим стих былины как «стих о трех ударениях дактилического окончания» (Востоков, 1817, с. 139).

Исследование М.Л. Гаспарова опиралось на печатные публикации фольклорных текстов без привлечения аудиоматериалов. Следующим шагом в осмыслении народного стиха (на материале былины) стала работа М.А. Лобанова, который, подробно исследовав не только печатные публикации, но и аудиозаписи былин, предложил довольно широкую формулировку для определения былинного стиха: «это комплекс взаимособобщающихся размеров» (2007, с. 21). По М.А. Лобанову, былинный стих предстает как весьма подвижное образование, однако вариативность метрики определена рамками традиции, в основе которой лежат несколько размеров: классический трехиктный стих (*И он шёл в свою полáту в белокаменну*), двухиктный «игривый» (*Он правíл коня / ко Пучáй-реки*¹⁰), двухиктный «скомороший» (*В то́й было столи́че, // В дáльнейоу грани́че*) (Там же, с. 15–21). Такой подход к анализу былинной метрики нельзя назвать чисто-тоническим: это, скорее, *комбинированный* подход, сочетающий учет иктовых позиций в строке и количество слогов, группирующихся вокруг икта. Для получения схемы строки М.А. Лобанов использует метод В.А. Чудовского: обычной цифрой обозначает количество слогов в словесной группе, объединенной фразовым ударением; верхним цифровым индексом — номер слога, на который это ударение падает: «Что не вéтры-то (5³) по полю (3²) разве-валися (5³)» (Там же, с. 62–63). Широкого распространения этот метод пока что не получил, однако, на наш взгляд, он вполне заслуживает внимания.

Попытка ревизии востоковско-гаспаровской теории былинного стиха была предпринята уже в настоящее время на материале фонозаписей, сделанных от сказителя Ф.А. Конашкова (Petrov, 2019; Петров, 2023). Использование подлинных звучащих текстов позволило устано-

¹⁰ Акцентная разметка наша.

вить, что былинный стих существует как бы «в двух измерениях»: 1) трехиктный тактовик печатных публикаций, которые принято читать с определенной декламаторской манерой (с тремя фразовыми ударениями и атонированием словоформ, не вписывающихся в схему); 2) тактовик с альтернативой 3- и 4-ударных строк, то есть тактовик не изотонический, допускающий некоторые отклонения от схемы, но не распатанный до акцентного стиха (характерен для голосового, музыкального исполнения). В реальном бытовании акцентному выделению подлежит каждое слово, а не группа слов. Следует отметить и плодотворный опыт характеристики говорного стиха *заговоров*, квалифицируемого как «тонический стих с урегулированными просодическими (фразовыми) ударениями, или как вольный акцентный стих» (Хворостьянова, 2004, с. 106). Таким образом, тоническая концепция прошла проверку временем и не потеряла своего значения до сих пор. При помощи этого подхода имеется возможность характеризовать огромные массивы фольклорных стихотворных текстов; аудиозаписи же позволяют выйти на новый уровень верификации наших знаний о фольклорном стихе и получить более точные результаты.

III. Согласно *музыкальной* теории, в процессе живого исполнения народной песни «равенство слогов по длительности, наличное в лирическом напева тексте, отпадает, так как одни слоги растягиваются по сравнению с другими и между ними возникают совершенно новые соотношения, которые регулируются единственно законами музыкальной ритмики» (Штокмар, 1952, с. 78). У истоков этой теории стоял А. М. Кубарев (1829) (Там же), а «наиболее влиятельным сторонником этого взгляда был [Ф. Е.] Корш» (Гаспаров, 1997, с. 59). Как отмечает М. Л. Гаспаров, «эта теория очень мало считалась с фактами реальных (зафиксированных) напевов, а то и реальных текстов, быстро выродившись в спекулятивные реконструкции “подлинного звучания” того или иного стиха. Поэтому, хотя апелляции к “напеву” быстро стали общим местом в дискуссиях о народном стихе, они, как правило, давали не объяснение, а только видимость объяснения проблемы» (Там же). По мнению ученого, музыкальная теория полностью стала уделом прошлого после критики М. П. Штокмара и перестала «притязать на роль ключа к народному стиху» (Там же).

Однако это не совсем так. В XX веке проблема музыкальной организации фольклорного стиха была переосмыслена на новом уровне и возвращена в предметное поле фольклорного стиховедения — правда, не филологами, а музыковедами. Для филологического же стиховедения полное размежевание теории стиха и этномузыкологии видится, скорее, недостатком, чем достоинством, на что ранее уже указывалось (Корчагин, 2011, с. 112–113). Этот аспект изучения стихового фольклора требует особой профессиональной подготовки. Стиховеду-филологу можно ограничиться первым «подступом» к фольклорному материалу: включить в выборку аудиозаписи разных жанров и, таким образом, существенно расширить представления о звучащей былине, или духовном стихе, или балладе и т. д., о нормах акцентуации, подлинном силлабическом составе строк и т. п. (Зайцев, 1995).

Музыкальное направление теории фольклорного стиха представлено, в общем, двумя ветвями: 1) работы преимущественно *филологические* по задачам и проблематике (их объект, скорее, слово, но в разрезе проблемы соотношения текста и напева); 2) работы преимущественно *музыковедческие* (их объект, скорее, напев; отношение к теории стиха, стиховедению здесь может быть косвенным).

В качестве немногих примеров для первой группы можно привести работы (Грубецкой, 1987б; Лобанов, 2007; Маточкин, 2012). Вторая группа сложнее и разнороднее. Естественно, что музыкальная сторона организации фольклорного стиха активно и профессионально разрабатывалась прежде всего музыковедами. Историография здесь обширна, достаточно сослаться на концептуальные обзоры (Банин, 1982) и (Ефименкова, 2001, с. 32–44), не говоря уже о работе (Штокмар, 1952, с. 78–103). Существует несколько центров этномузыкологии, со своими школами, приоритетами, подходами (см., напр.: (Этномузыкология, 2014)).

Если же говорить о филологах, фольклористах, то, как мы уже сказали, в настоящее время музыкальная теория фольклорного стиха находит отражение в подходе А. А. Маточкина. Он считает фольклорный стих *равнодолготным* и делит общую продолжительность звучания былины на количество стихов в ней, получая среднюю продолжительность звучания каждой строки (Маточкин, 2012). Реальная продолжительность звучания каждого стиха измеряется при помощи компьютерной программы: «...стихи одной старины песенного типа *примерно* равны по занимаемому ими физическому времени» (Там же, с. 64), обычно это 6,41 сек. В специальной табличной форме (исследователь прибегает к термину «табличный анализ») продемонстрировано, как соотносятся слоги по длительности звучания, причем учтены все огласовки, распевы и паузы. Ранее, как указывает А. А. Маточкин, похожий способ оформления былинного текста был предложен М. А. Лобановым: «...преобразование нотной записи в таблицу представляется удобным методом подачи стиха, ибо при этом сохраняется и высокая точность фиксации его акцентного рисунка, какую только могут дать ноты, и в то же время доступность, позволяющая тем, кто нотами не владеет, без труда воспроизвести ритм» (2007, с. 30). Этот подход (А. А. Маточкин называет его «квантитативным») тесно смыкается с концепцией *изохронной метрики* (Agouï, 2009). Область *изохронной метрики* изучалась европейскими и американскими исследователями на материале английского, немецкого, французского фольклорного стиха; специальное внимание было уделено детскому фольклорному стиху (считалки, *nursery rhymes* и т. п.), см. подробный аналитический обзор со ссылками на первоисточники в статье (Корчагин, 2011, с. 103–109).

IV. Особый подход к русскому народному стиху предпринял А. П. Квятковский в рамках собственной *тактометрической* теории (2008, с. 423–456). Он предлагал читать русские народные стихи «тактовой читкой» (Там же, с. 425), то есть использовать специфическую манеру декламации, которая может показаться субъективной. Исследователь справедливо указывал на невозможность соотнесения канонов

чистой силлабо-тоники с народной тонической поэзией. Строка, согласно А. П. Квятковскому, делится не на стопы, а на изохронные такты, и в этом его теория перекликается с музыкальной теорией народного стиха. При анализе метрики необходимо полагаться на слух: улавливать «в звучащем стихе не только слоги, но и паузы, причем и те и другие могут быть различны по доле долготе» (Там же, с. 440). Если же строки неравносложны, то необходимо искусственно растягивать или, напротив, быстрее проговаривать слоги, удлинять или сокращать паузы, например (*шестнадцатидольник*, условным знаком \cup обозначается «недостающая» доля такта, то есть читателю предлагается выдержать соответствующую временную паузу): «И-ивушка, ивушка, зеленая моя! $\cup\cup\cup //$ Что-о же ты, ивушка, не весело стоишь? $\cup\cup\cup$ » (Там же, с. 443) и т. д. Все графические ухищрения (знаки пауз, долей, удвоения гласных и т. п.), призванные наглядно передать звучание стиха, по своей точности заведомо уступают классической музыкальной нотации.

Следует отметить некоторую произвольность, «фантазийность» аналитических процедур в рамках этого метода: интерпретация метра и ритма находится всецело во власти декламатора. По воле автора в стихотворной строке появляются дополнительные гласные и паузы, на которые нет никаких указаний в цитируемых А. П. Квятковским источниках: под такие схемы при желании можно без особых усилий подвести любой фольклорный стих. На наш взгляд, предпочтительнее все же иметь дело с формальными, объективными параметрами, подчиняющимися набору базовых правил. Первичной же опорой для изучения песенного фольклора являются *аудиозаписи*: только они позволяют понять принципы и приемы подлинного народного исполнения. Не случайно схемы А. П. Квятковского подверглись критике именно с музыковедческой стороны: как отметила Б. Б. Ефименкова, «Квятковский иллюстрирует свою теорию только приемлемыми для нее образцами, хотя и объявляет ее универсальной» (Ефименкова, 2001, с. 27).

Говоря об исторических песнях, автор тактометрической теории утверждает, что они «не только поются, но и отлично читаются» (Квятковский, 2008, с. 452). В принципе с этим можно согласиться. Однако весьма спорным следует признать утверждение, будто «в чтении, в рецитации исторические песни выигрывают сильнее, чем в пении, так как в рецитации исчезает однообразный напев и всплывает богатейшая живая, говорная интонация» (Там же). В фольклористике не принято иерархически противопоставлять словесный текст и напев — они составляют одно целое.

Все это, заметим, не значит, что тактометрическая теория вовсе не пригодна для анализа фольклорного стиха. Напротив, она обнаруживает собственный потенциал, поскольку явно коррелирует с идеями изохронной метрики, пока еще слабо разработанной в российском фольклорном стиховедении. Здесь мы возвращаемся к необходимости учета нотного материала и сотрудничества со специалистами в области этномузыкологии.

V. Согласно *силлабической* концепции, в русском фольклорном стихе длина строк урегулирована по количеству слогов, выдерживается принцип «слогочислительного единообразия» (Банин, 1982, с. 95). Ука-

занный подход отстаивался в работах Н. Остолопова, И. И. Срезневского, А. А. Потемни и других (Там же). На тенденции к силлабическому урегулированию в фольклорном стихосложении указывал и Дж. Бейли: на материале русской народной лирической песни он попытался выявить приемы, которыми пользуются исполнители для соблюдения изосиллабизма строк (Бейли, 2010, с. 163–218).

При этом, насколько мы можем судить по эпическим текстам (в частности, былинам), изосиллабизм едва ли образует основу метрики русского народного стиха — по крайней мере в том его виде, который известен по публикациям эпических произведений фольклора с XVIII—XIX веков. Однако учет силлабической структуры, на наш взгляд, вполне может быть принят в расчет как один из возможных характеризующих параметров. Здесь достаточно вспомнить народно-песенный размер русской лирики 5+5, который обычно трактуется в терминах тонической метрики (выделяются строго закрепленные иктовые позиции), однако само его название указывает на потенциальную возможность силлабического урегулирования в некоторых жанрах и контекстах русского песенного фольклора.

В целом этот фактор можно учитывать не только при изучении русского народного стиха и его истории, но и в исследованиях по сравнительной славянской метрике. Здесь уместно вспомнить сербский народный силлабический 10-сложник (*десетерац*), а также гипотетический праславянский силлабический стих, к которому, по вполне обоснованному мнению ряда исследователей, восходит и русская народная тоника¹¹.

VI. *Комплексный (дифференцированный)* подход стал возможен после а) существенного развития методологического инструментария общей теории стиха; б) накопления качественных разножанровых фольклорных материалов в достаточном количестве. Большой вклад в разработку этого подхода внес Дж. Бейли, впервые применивший к значительным объемам данных «русский метод». Отметим, что иногда этого исследователя ошибочно причисляют к сторонникам *стопной* теории (Красноперова, 2004, с. 108; Маточкин, 2012, с. 61), при этом с правильной оговоркой: «Эти ученые (сторонники стопной теории. — А. П.) не отрицают других форм организации народного стиха, но настаивают и на существовании той формы, которая может быть названа стопной» (Красноперова 2004, с. 108).

Дж. Бейли предложил гибкий подход к изучению народной метрики и ритмики: методика его работы зависела от того, с каким типом стиха он имеет дело — эпическим или лирическим; силлабо-тоническим или тоническим. Каждый частный случай требовал специального рассмотрения: текст действительно мог тяготеть к силлабо-тонике и стопному строению, а мог представлять собой чистый тонический акцентный стих. Все эти тонкости были исследователем учтены, никакая «теория» не ограничивала его научный метод. Также он отделил объект исследования от музыковедения и задал жесткие филологические рам-

¹¹ Процесс трансформации силлабического стиха в тонический можно наблюдать на примере русских народных духовных стихов. При проникновении книжной силлабики в фольклор слогочислительное единообразие немедленно разрушается (Петров, 2021, с. 101).

ки для работы (сейчас это вызвало бы серьезную критику апологетов музыкального подхода к анализу народного стиха). Согласно его концепции, «в песне первичен словесный текст, а напевы налагаются на него, как разные декламаторские манеры налагаются на литературные ямбы и хорей» (Гаспаров, 2004, с. 50). Дж. Бейли вышел из научной школы К. Ф. Тарановского, что позволяет отнести его к представителям российского лингвостатистического, дескриптивного стиховедения. Для американской традиции более характерен генеративный подход, поэтому фигура Дж. Бейли в американской стиховедческой науке стоит несколько особняком. Наиболее значимые его труды по русскому народному стиху – сборник статей (2001) и монография (2010) – переведены на русский язык и опубликованы.

В работах Дж. Бейли в наиболее полном виде эксплицированы методологические проблемы изучения народного стиха и намечены пути их решения. В частности, немало внимания уделено особенностям народно-песенной акцентуации, текстологии фольклорных памятников и т. д. Особенно важна технология выделения метрического инварианта (текстового аналога) из распетого стиха, то есть из конкретного речевого воплощения универсальной языковой модели. Необходимость этой процедуры давно витала в воздухе, к ней прибегали музыковеды (например, А. А. Банин); Дж. Бейли впервые широко применил данную методику для филологического анализа фольклорного стиха. Разметку текста исследователь осуществлял уже на основе полученного метрического инварианта, очищенного от признаков музыкального исполнения – распевов, частиц, оговорок, повторов, словообрывов и т. п. Теоретическая ценность проделанной ученым работы огромна: Дж. Бейли удалось «сквозь хаос переходных и деформированных ритмов увидеть очертания правильных размеров, складывающихся в связную систему» (Гаспаров, 2004).

В настоящий момент комплексный подход представляется наиболее перспективным, поскольку позволяет учесть и дифференцированно описать все многообразие форм фольклорного стиха без искусственных ограничений, неизбежно сковывающих исследователя, если он твердо придерживается какой-либо одной «теории» и пытается втиснуть в ее рамки богатство фактического материала – как печатного, так и звукового.

3. Заключение

Насколько можно судить по представленному обзору (по необходимости очень беглому), все существующие подходы к изучению фольклорного стиха в принципе правомерны, важно лишь не применять к материалу неадекватный инструментарий (например, не пытаться анализировать тонический стих в категориях силлабо-тоники). Народный стих, как и литературный, может быть создан по лекалам любой системы стихосложения. Один и тот же исследователь может использовать подходы и дефиниции стопной теории, если изучает соответствующий силлабо-тонический материал (напр., частушки (Петрова, 2010), романсы, поздние духовные стихи (Петров, 2022), отдельные былины, сложенные вольными хорейями (Бейли, 2001, с. 277–282), и т. п.); и работать

в русле тонической теории, если имеет дело с народной тониной (былины, классические народные духовные стихи, исторические песни и т.д.). Ничто не мешает использовать и методы анализа силлабики, если предмет изучения — силлабический стих. Принципиально иные задачи — у музыкального подхода, который правомерен и даже необходим в отношении фольклорного материала. При корректном применении серьезный (и еще далеко не изученный) потенциал можно выявить и в тактометрической теории.

Фольклорный стих — действительно сложный феномен. Однако можно рассматривать эту сложность не как недостаток (к чему мы уже привыкли), а как *преимущество*, ведь все имеет и обратную сторону. Его многогранность может оказаться полезной для самых разных областей, в том числе смежных со стиховедением, не говоря уже об истории стиха. Первые трудности, с которыми столкнулись исследователи XVIII—XIX веков, были вызваны в основном неразработанностью научного аппарата. Сейчас, когда многие из этих затруднений преодолены благодаря развитию общей теории стиха, на передний план выступил *комплексный* подход, удобство которого, с одной стороны, в исследовательской свободе, гибкости маневрирования; с другой — в развитом, по сравнению с XIX веком, методологическом инструментарии, открывающем совершенно новые перспективы в фольклорном стиховедении.

Благодарности. Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках работы по госзаданию.

Список литературы

- Афанасьева Э. М. Молитвенная лирика русских поэтов. М., 2021.
- Банин А. А. К изучению русского народно-песенного стиха: методологические заметки // Фольклор: Поэтика и традиция. М., 1982. С. 94—139.
- Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху. М., 2001.
- Бейли Дж. Был ли 5-стопный хорей древней формой русского эпического размера? // Славянский стих. VIII: Стих, язык, смысл / под ред. А. В. Прохорова, Т. В. Скулачевой. М., 2009. С. 20—30.
- Бейли Дж. Три русских народных лирических размера / пер. с англ. Е. А. Савиной при участии и под ред. М. В. Акимовой. М., 2010.
- Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении // Санкт-Петербургский вестник. 1812. Ч. 2, № 6. С. 39—68, 168—206, 271—288.
- Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817.
- Гаспаров М. Л. К 75-летию Джеймса Бейли // Живая старина. 2004. № 4. С. 50.
- Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.
- Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989.
- Гаспаров М. Л. Русский народный стих и его литературные имитации // Избр. труды. М., 1997. Т. 3: О стихе. С. 54—131.
- Гаспаров М. Л. Предисловие I // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху. М., 2001. С. 9—13.
- Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004.
- [Гильфердинг А. Ф.] Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. С двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин. СПб., 1873.
- Духовные стихи. Канты: сборник духовных стихов Нижегородской области / сост., вступ. статья, подг. текстов, исслед. и коммент. Е. А. Бучилиной. М., 1999.

- Ефименкова Б. Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М., 2001.
- Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975.
- Зайцев А. И. Стих русской былины и праиндоевропейская поэзия // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28 : Эпические традиции: материалы и исследования. С. 198 – 205.
- Казарцев Е. В. Сравнительное стиховедение: метрика и ритмика. СПб., 2017.
- Квятковский А. П. Ритмология. СПб., 2008.
- Корчагин К. М. Современные зарубежные исследования метрики // Вопросы языкознания. 2011. №4. С. 90 – 115.
- Корчагин К. М. Рец. на кн.: В. П. Москвин. Теоретические основы стиховедения. М., 2009. 320 с. // Philologica. 2012. Vol. 9, №21/23. С. 448 – 463.
- Красноперова М. А. К вопросу о становлении анапестического ритма в русском народном восьмисложном стихе // Русский фольклор. СПб., 2004. Т. 32 : Материалы и исследования. С. 108 – 129.
- Лобанов М. А. Стих былины. Метрика – семантика – генезис. СПб., 2007.
- Маточкин А. А. Индивидуальные особенности квантитативности песенного стиха печорских сказителей // Антропологический форум. 2012. №16. С. 61 – 71.
- Москвин В. П. Теоретические основы стиховедения. М., 2009.
- Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М. ; СПб., 2020.
- Орлицкий Ю. Б. Рифменный (раешный) стих в новейшей русской поэзии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XI. Славянский стих. М., 2017. С. 158 – 170.
- Петров А. М. Духовные стихи о царевиче Иоасафе: состав сюжетов и метрические модели // Антропологический форум. 2021. №49. С. 88 – 131. doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-88-131.
- Петров А. М. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики // Вопросы языкознания. 2022. №3. С. 54 – 74. doi: 10.31857/0373-658X.2022.3.54-74.
- Петров А. М. Существует ли трехиктный былинный тактовик? // Вопросы языкознания. 2023. №4. С. 65 – 95. doi: 10.31857/0373-658X.2023.4.65-95.
- Петрова А. А. Ритмический строй северной частушки. Опыт полевого стиховедения // Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития : матер. Междунар. науч. конф. / под ред. С. И. Богданова, Е. В. Хворостьяновой. СПб., 2010. С. 198 – 204.
- Пропи В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Пропи В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 34 – 45.
- Ранчин А. М. Стихи и проза, лед и пламень... [Рец. на: Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М. ; СПб., 2020] // Новое литературное обозрение. 2021. №4 (170). С. 344 – 352.
- Тарановски К. Рец. на: М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения (Изд-во АН СССР, Москва, 1952, 419 с.) // Южнославенски филолог. XXI, кн. 1 – 4. Београд, 1955 – 1956. С. 335 – 363.
- Тарановский К. Ф. О книге М. П. Штокмара «Исследования в области русского народного стихосложения» // Тарановский К. Ф. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / пер. с серб. В. В. Сонькина. М., 2010. С. 519 – 544.
- Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русской былины // Избр. труды по филологии. М., 1987а. С. 352 – 358.
- Трубецкой Н. С. О метрике частушки // Избр. труды по филологии. М., 1987б. С. 371 – 390.
- Федотов О. И. А. Ф. Гильфердинг о народном стихе // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28 : Эпические традиции: материалы и исследования. С. 206 – 216.

Хворостьянова Е. В. Ритмический строй севернорусских заговоров // Русский фольклор. СПб., 2004. Т. 32 : Материалы и исследования. С. 88 – 107.

Штокмар М. П. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.

Этномузыкология: история формирования научно-образовательных центров, методы и результаты ареальных исследований : матер. междунар. науч. конференций 2011–2012 годов / Санкт-Петербургская гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова; редкол.: Г. В. Лобкова (науч. ред.); К. А. Мехнецова (отв. ред.), И. Б. Теплова (отв. ред.) [и др.]. СПб., 2014.

Aroui J.-L. Proposals for metrical typology // Towards a typology of poetic forms: from language to metrics and Beyond / ed. by J.-L. Aroui, A. Arleo. Amsterdam, 2009. P. 1 – 42.

Jakobson R. Slavic Epic Verse: Studies in Comparative Metrics // Selected Writings. The Hague ; P., 1966. Vol. 4 : Slavic Epic Studies. P. 414 – 463.

Petrov A. M. Metrical types of *bylinas* (Russian epic folk songs) in the collection of the Institute of Linguistics, Literature and History at the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences // Quantitative approaches to versification / ed. by P. Plecháč, B. P. Scherr, T. Skulacheva, H. Bermúdez-Sabel, R. Kolár. Prague, 2019. P. 183 – 191.

Об авторе

Александр Михайлович Петров, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Россия.

E-mail: hermitage2005@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5095-4254

Для цитирования:

Петров А. М. Русский народный стих и основные подходы к его изучению // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 184 – 203. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-13.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

RUSSIAN FOLK VERSE AND THE MAIN APPROACHES TO ITS STUDY

Alexander M. Petrov

Institute of Linguistics, Literature, and History
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910, Russia

Submitted on 01.04.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-13

This paper addresses general issues in the study of Russian folk verse. A critical examination of the major theories related to this topic highlights their significance in the history of Russian versification. The unique characteristics of folk verse, which exist in an oral-musical form, necessitate the development of specialized methods for its analysis. While traditional studies of versification offer a variety of methods and resources for analysing different forms of literary verse, they often fall short when applied to folklore verse. A flexible approach to the study of folk poetry is essential, given the diversity of folklore forms. In addition to classical

folk accentual verse, many genres adhere to the principles of syllabic-accentual versification. Methods for analysing syllabic texts from other Slavic cultures may also be relevant. Each genre must be contextualized within its historical framework; thus, folklore requires a differentiated analytical approach. Furthermore, the degree of convergence with musicology can vary: in verse linguistics, traditional versification methods may often suffice. The approach based on counting beats holds particular promise, as it relates to the concepts of isochronic metrics, which remain underexplored in the field of Russian folk versification.

Keywords: versification, metrics, rhythm, folk verse, theory of verse, methods for study of verse

Acknowledgment. The paper was written as part of the State task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

References

Afanas'eva, E.M., 2021. *Molitvennaya lirika russkikh poetov* [The Genre of a Prayer in the Oeuvre of Russian Poets]. Moscow (in Russ.).

Aroui, J.-L., 2009. Proposals for Metrical Typology. In: J.-L. Aroui and A. Arleo, eds. *Towards a Typology of Poetic Forms: From Language to Metrics and Beyond*. Amsterdam, pp. 1–42.

Bailey, J., 2001. *Izbrannye stat'i po russkomu narodnomu stikhu* [Selected Works on Russian Folk Versification]. Moscow (in Russ.).

Bailey, J., 2009. Was Trochaic Pentameter an Archaic Form of Russian Epic Meter? In: *Slavyanskii stikh. VIII: Stikh, yazyk, smysl* [Slavic Verse. Vol. 8. Verse, Language, Semantics]. Moscow, pp. 20–30 (in Russ.).

Bailey, J., 2010. *Tri russkikh narodnykh liricheskikh razmera* [Three Russian Lyric Folk Song Meters]. Moscow (in Russ.).

Banin, A. A., 1982. Towards the Study of Russian Folk Song Verse: Methodological Notes. In: *Fol'klor: Poetika i traditsiya* [Folklore: Poetics and Tradition]. Moscow, pp. 94–139 (in Russ.).

Buchilina, E. A., ed., 1999. *Dukhovnye stikhi. Kanty: sbornik dukhovnykh stikhov Nizhegorodskoi oblasti* [Spiritual Verses. Kants: Collection of Spiritual Verses of the Nizhniy Novgorod Region]. Moscow (in Russ.).

Efimenkova, B. B., 2001. *Ritm v proizvedeniyakh russkogo vokal'nogo fol'klora* [Rhythm in Russian Vocal Folklore]. Moscow (in Russ.).

Fedotov, O. I., 1995. A. F. Gilferding's Views on Folk Verse. In: *Russkii fol'klor. T. 28. Epicheskie traditsii: materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Vol. 28. Epic Traditions: Materials and Studies]. St. Petersburg, pp. 206–216 (in Russ.).

Gasparov, M. L. and Skulacheva T. V., 2004. *Stat'i o lingvistike stikha* [Articles on Verse Linguistics]. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1984. *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [Outline of the History of Russian Verse: Metrics, Rhythm, Rhyme, Stanza]. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1989. *Ocherk istorii evropeiskogo stikha* [Outline of the History of European Verse]. Moscow (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1997. Russian Folk Verse and its Literary Imitations. In: M. L. Gasparov, ed. *Izbrannye Trudy. T. 3. O stikhe* [Selected Works. Vol. 3. Versification]. Moscow, pp. 54–131 (in Russ.).

Gasparov, M. L., 2001. Preface I. In: J. Bailey, ed. *Izbrannye stat'i po russkomu narodnomu stikhu* [Selected Works on Russian Folk Versification]. Moscow, pp. 9–13 (in Russ.).

Gasparov, M. L., 2004. For the 75th Anniversary of James Bailey. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 4, pp. 50 (in Russ.).

Hilferding, A.F., 1873. *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda. S dvoumya portretami onezhskikh rapsodov i napevami bylin* [Onega epics recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871. With two portraits of Onega rhapsodies and melodies of epics]. St. Petersburg (in Russ.).

Jakobson, R., 1966. Slavic Epic Verse: Studies in Comparative Metrics. In: R. Jakobson, ed. *Selected Writings. Vol. 4: Slavic Epic Studies*. The Hague; Paris, pp. 414–463.

Kazartsev, E.V., 2017. *Sravnitel'noe stikhovedenie: metrika i ritmika* [Comparative Verse Studies: Meter and Rhythm]. St. Petersburg (in Russ.).

Khvorost'ianova, E.V., 2004. Rhythmical Order of Northern Russian Incantations. In: *Russkii fol'klor. T. 32. Materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Vol. 32. Materials and Studies]. St. Petersburg, pp. 88–107 (in Russ.).

Korchagin, K.M., 2011. Contemporary studies in metrics abroad. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 4, pp. 90–115 (in Russ.).

Korchagin, K.M., 2012. Review on: V.P. Moskvina. Theoretical Foundations of Verse Studies. *Philologica*, 9 (21/23), pp. 448–463 (In Russ.).

Krasnoperova, M.A., 2004. To the Question of the Origin of Anapaestic Rhythm in Russian Folk Octosyllabic Verse. In: *Russkii fol'klor. T. 32. Materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Vol. 32. Materials and Studies]. St. Petersburg, pp. 108–129 (in Russ.).

Kviatkovski, A.P., 2008. *Ritmologiya* [Rhythmology]. St. Petersburg (in Russ.).

Lobanov, M.A., 2007. *Stikh byliny. Metrika – Semantika – Genezis* [Verse of Bylina-Epics: Metrics – Semantics – Genesis]. St. Petersburg (in Russ.).

Lobkova, G.F., Mekhnetsova, K.A. and Teplova, I.B., eds., 2014. *Etnomuzykologiya: istoriya formirovaniya nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov, metody i rezul'taty areal'nykh issledovaniy: Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii 2011–2012 godov* [Ethnomusicology: History of the Formation of Scientific and Educational Centers, Methods and Results of Areal Research. Proceedings of International Scientific Conferences of 2011–2012]. St. Petersburg (in Russ.).

Matochkin, A.A., 2012. Individual Features of the Pechora Epic Singers' Quantitative Technique for Verse Singing. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 16, pp. 61–71 (in Russ.).

Moskvina, V.P., 2009. *Teoreticheskie osnovy stikhovedeniya* [Theoretical Foundations of Verse Studies]. Moscow (in Russ.).

Nikolaev, S.L., 2020. *"Slovo o polku Igoreve": rekonstruktsiya stikhotvornogo teksta* [The Tale of Igor's Campaign: Reconstruction of a Poetic Text]. Moscow; St. Petersburg (in Russ.).

Orlitskii, Yu.B., 2017. Rhyming Verse (Raeshnik) in the Newest Russian Poetry. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 11. Slavyanskii stikh* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. 11. Slavic Verse]. Moscow, pp. 158–170 (in Russ.).

Petrov, A.M., 2019. Metrical Types of *Bylinas* (Russian Epic Folk Songs) in the Collection of the Institute of Linguistics, Literature and History at the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. In: P. Plecháč, B.P. Scherr, T. Skulacheva, H. Bermúdez-Sabel and R. Kolár, eds. *Quantitative Approaches to Versification*. Prague, pp. 183–191.

Petrov, A.M., 2021. Spiritual Verses about Tsarevich Joasaph: Plots and Metrical Models. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 49, pp. 88–131, <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-49-88-131> (in Russ.).

Petrov, A.M., 2022. Trochaic tetrameter in Russian folk spiritual verses of late tradition: Some issues of metrics and rhythmicity. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 3, pp. 54–74, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.3.54-74> (in Russ.).

Petrov, A. M., 2023. Is there a three-ictic taktovik in the verse of Russian bylinas? *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 4, pp. 65–95, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.4.65-95> (in Russ.).

Petrova, A. A., 2010. Rhythmical Structure of Northern Chastushkas: A Field Study. In: S. I. Bogdanov and E. V. Khvorost'yanova, eds. *Otechestvennoe stikhovedenie: 100-letnie itogi i perspektivy razvitiya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russian Study of Verse: 100-yers Results and Development Prospects: Proceedings of the International Conference]. St. Petersburg, pp. 198–204 (in Russ.).

Propp, V. Ya., 1976. Principles of Classification of Folklore Genres. In: V. Ya. Propp, ed. *Fol'klor i deistvoitel'nost'. Izbrannye stat'i* [Folklore and Reality. Selected Articles]. Moscow, pp. 34–45 (in Russ.).

Ranchin, A. M., 2021. Review of: Nikolaev S. L. "The Word about Igor's regiment": reconstruction of a poetic text. Moscow; St. Petersburg, 2020. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 4 (170), pp. 344–352 (in Russ.).

Shtokmar, M. P., 1952. *Issledovaniya v oblasti russkogo narodnogo stikhoslozheniya* [Research in the field of Russian folk poetry]. Moscow (in Russ.).

Taranovsky, K., 1955–1956. Review on "Studies in Russian Folk Versification" by M. P. Shtokmar. *Juzhnoslovenski filolog*, 21(1–4). Belgrade, pp. 335–363.

Taranovsky, K. F., 2010. On "Studies in Russian Folk Versification" by M. P. Shtokmar. In: K. F. Taranovsky, ed. *Russkie dvuslozhnye razmery. Stat'i o stikhe* [Russian Binary Meters. Articles about Verse]. Moscow, pp. 519–544 (in Russ.).

Trubetskoy, N. S., 1987a. On the Verse of Russian Bylina-Epics. In: N. S. Trubetskoy, ed. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works in Philology]. Moscow, pp. 352–358 (in Russ.).

Trubetskoy, N. S., 1987b. On the Meter of Chastushka. In: N. S. Trubetskoy, ed. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works in Philology]. Moscow, pp. 371–390 (in Russ.).

Vostokov, A. Kh., 1812. An Essay on Russian Versification. *Sankt-Peterburgskii vestnik* [Saint Petersburg's Courier], 2 (6), pp. 39–68, 168–206, 271–288 (in Russ.).

Vostokov, A. Kh., 1817. *Opyt o russkom stikhoslozhenii* [An Essay on Russian Versification]. St. Petersburg (in Russ.).

Zaitsev, A. I., 1995. The Verse of Russian Bylina-Epics and Proto-Indo-European Poetry. In: *Russkii fol'klor. T. 28. Epicheskie traditsii: materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Vol. 28. Epic Traditions: Materials and Studies]. St. Petersburg, pp. 198–205 (in Russ.).

Zhirmunsky, V. M., 1975. *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. Leningrad (in Russ.).

The author

Dr. Alexander M. Petrov, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: hermitage2005@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5095-4254

To cite this article:

Petrov, A. M., 2024, Russian folk verse and the main approaches to its study, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 184–203. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-13.

